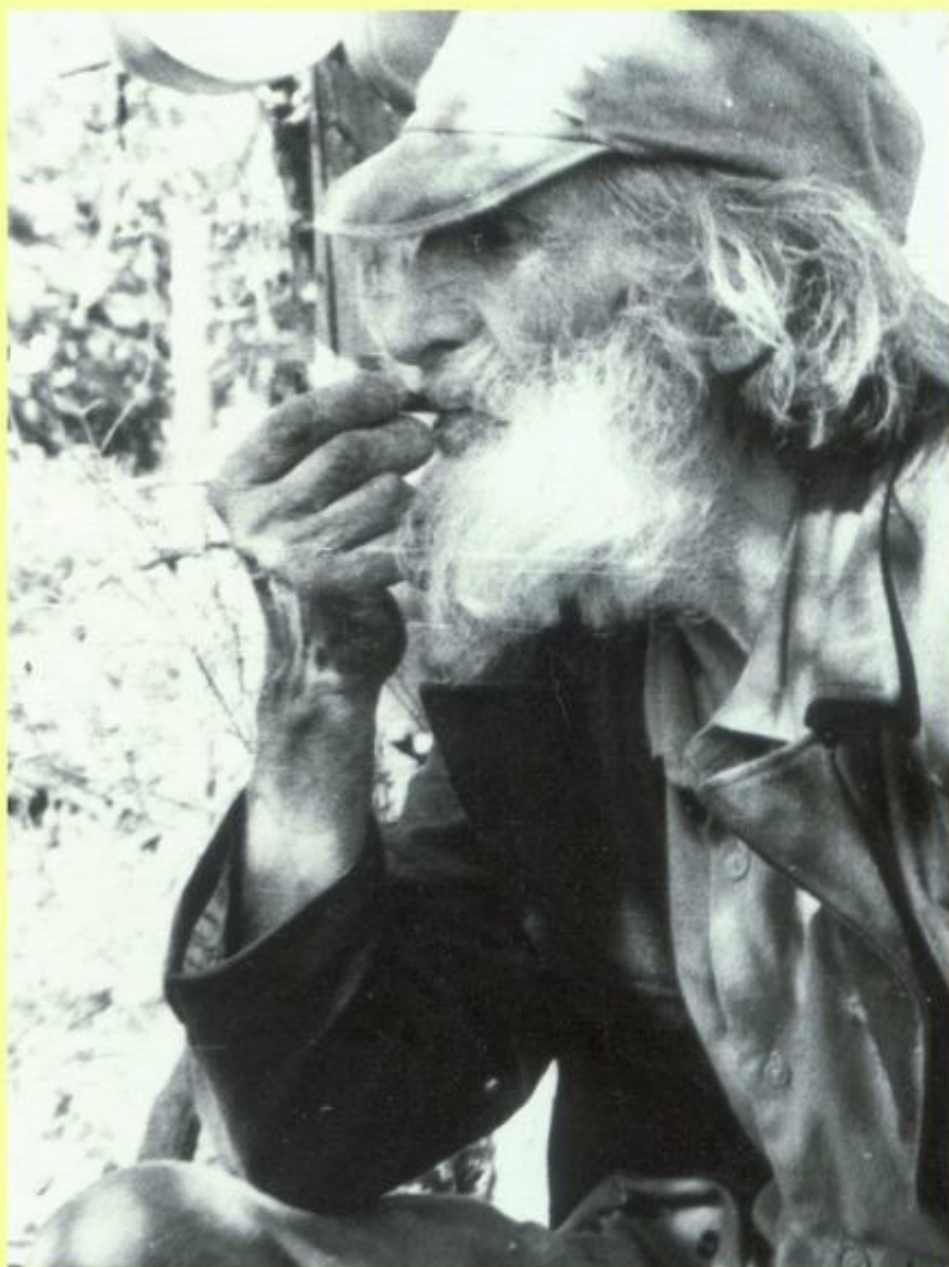

18+ Гавриил Кротов

Записки брадобрея царя Мидаса

Оглядываясь на детство

Гавриил Кротов

**Записки брадобрея царя
Мидаса. Оглядываясь на детство**

«Издательские решения»

Кротов Г. Я.

Записки брадобрея царя Мидаса. Оглядываясь на детство /
Г. Я. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989328-4

Это уже четвёртая из опубликованных книг Гавриила Кротова, который ни одной из своих книг не увидел, потому что свободного книгоиздания ещё не было. Она написана в последние годы жизни, но обращена к его детству в предреволюционной России, к тому, что он сумел увидеть и запомнить. Память у него оказалась необычайно цепкой, а теперешнее осмысление прошлого — мудрым и печальным. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-989328-4

© Кротов Г. Я.
© Издательские решения

Содержание

Об этой особой книге	6
Меня просят рассказать...	7
О том, что не видел, не помню, не чувствовал	10
Надёжный способ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Записки брადобрея царя Мидаса Оглядываясь на детство

Гавриил Яковлевич Кротов

Редактор Виктор Гаврилович Кротов

© Гавриил Яковлевич Кротов, 2020

ISBN 978-5-4498-9328-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке: автор

и его детские фото (из семейного архива).

Редакция и сопроводительные тексты:

Виктор Кротов

Об этой особой книге

Чтобы название книги было наверняка понятно молодому современному читателю без необходимости обращаться к поисковику и википедии, стоит коротко напомнить суть легенды.

Царь Мидас, персонаж нескольких событий греческой мифологии, однажды допустил промах, присудив первенство в музыкальном соревновании не богу искусств Аполлону, а Пану – божеству более низкого уровня, мастеру игры на свирели. За это разгневанный Аполлон наградил Мидаса ослиными ушами, которые тот старательно скрывал от окружающих. Но от цирюльника-брადобрея скрыть таое обстоятельство было невозможно, и Мидас заставил его поклясться, что тот никому об этом не расскажет. Но тайна так распирала цирюльника, что тот, чтобы не нарушить клятву, вырыл ямку на берегу реки и выговорился в неё. Но на этом месте вырос тростник, из которого мальчик-пастушок сделал дудочку, а когда стал играть на ней, дудочка запела про то, что у царя Мидаса ослиные уши.

О чём пропоёт эта книга читателю, зависит и от него самого. Но она может помочь ему увидеть глазами очевидца один из самых узловых моментов российской истории. Ведь здесь автор обращается к тому, чему он был свидетелем в детстве, начиная с самого раннего возраста, а детство его пришлось на предреволюционные и революционные времена двадцатого века. Хотя действие разворачивается в далёком Усть-Каменогорске, тем конкретнее и выразительнее выглядят многие обстоятельства событий, происходивших более ста лет назад.

Благодаря удивительной памяти и острой наблюдательности автора, читатель может пережить то, что волновало обычного мальчика из небогатой семьи больше ста лет назад.

И не надо бояться памяти
Тех не очень далёких лет,
Где затерян по снежной замети
Нашей жизни горящий след...¹

...Как же мне не писать об этом?!
Как же свой рассказ не начать?!
Нет! Не быть мне тогда поэтом,
Если я
Смогу
Промолчать!

Анатолий Жигулин

¹ В оригинале у Жигулина: «Нашей юности горький след». (Прим. ВК)

Меня просят рассказать...

Меня просят рассказать о проклятом прошлом, а оно для меня – счастливое детство, время открытия мира красок и цветов в огромном наборе черепков фарфоровой посуды, собранных на свалке. Время, когда я вытаращенными от удивления и восторга глазами наблюдал синие огоньки снега при луне и их же на инее, накрывавшем угол квартиры. Видел величие гор и тайги, полные воды Иртыша и Ульбы; икру лягушек, наблюдая её метаморфозу.

Жизнь пахла для меня запахом черёмухи и багульника, я пробовал её на вкус, поедая сардина колечки (*Malva pusilla* With – просвирник приземистый), кислицу, слизун, ревень, бузину (*Solanum dilcamaga* – паслен). Любовался красками лилий, кувшинок, ириса... В этом окружении вшивость и цыпки не были объектом пристального внимания: в жизни столько необычно-прекрасного, а это – обыденно.

Говорить о детстве – значит, говорить о детском счастье.

Меня просят рассказать о гражданской войне. Какой тут простор для повествования о героизме и подвигах!.. А я начну рассказывать о красоте мундира у соседа, жандарма Плажунова, о благородной выправке офицеров, о прекрасных казачьих конях, о стройности парадов, о неотразимом впечатлении от аристократически благородной фигуры Колчака, о блеске молебна, об «однообразной красивости» войск. Ведь о красивых партизанах из отряда Горных орлов и о красноармейцах и рассказать-то нечего – просто крестьянство в обычной для сибиряков лапоти на лохмато-брюхатых лошадях (их и конями не назовёшь).

Меня просят рассказать о басмачах, и вообще о Средней Азии (в ту пору она называлась Туркестанским краем). А я начну с восторгом рассказывать о чиновнике особых поручений при генерал-губернаторе Куропаткине, о Файзулле Ходжаеве, о конях ахалтекинской и карабаирской пород, об обычаях и правах основанных на адате, и о том, как наплыв великороссицы внёс особые поправки в вековой уклад, да так, что самым презрительным и оскорбительным стало выражение: «У самар-р-рский!».

Простят рассказать о НЭПе и о реконструктивном периоде. А я начну вспоминать эшелоны с детьми и женщинами где попадался и сам кулак, не всегда схожий с рисунками Черемных; начну вспоминать развёрстку и восстания от Тамбова и по всем местам, замену её продналогом, выращивание культурных хозяев которых ободрил всесоюзный староста М. И. Калинин, ратовавший за многополье. Может, вспомню и ободряющие голоса Бухарина и Рыкова: «Обогащайтесь, обогащая землю», – и их намерения «накормить Россию пирогами». На фоне этого раскулачивание и раскоммунивание будет звучать диссонансом.

Меня просят рассказать о Великой Отечественной войне. Кажись, уж тут-то можно говорить и говорить о МАССОВОМ героизме, а мне хочется рассказать о жертвах, о генералах, бросавших людей (если солдат считать людьми, а не «карандашами» и численным составом). Рассказать о политотделах, об ОО² (так же отмечается уборная) – и рассказать не вообще, а как о персонажах имеющих звание, имя и фамилию. Беседы, статьи и призывы, утверждённые, а потому негибкие, расходились с окружающим бытом и поступками этих проводников идей, которые обильно забрызгивались грязью своих неисчислимых действий.

Трудно будет разглядеть воспалёнными от едкого тумана лжи глазами благородный образ генерала Вольского, Обухова, Спирина, а пуще того благородный образ Тимошенко, руково-

² Особый отдел.

дившего самой непопулярной (чтобы не сказать большего) войной с Финляндией, население которой в то время равнялось населению Ленинграда. Войной, унесшей пять миллионов человеческих (солдатских) жизней.

Как предостережение на будущее хочется рассказать о том, как эта высокопоставленная глупость, скатываясь вниз, обростала ещё большей глупостью, пропитанной людской (солдат и населения) кровью. Невыполнение угрожало штрафняком или просто вышакком, выполнять приходилось «рассудку вопреки, наперекор стихиям» (они во внимание не принимались), а руководящее выполнение (требовавшее пополнения) отмечалось повышением в звании и наградами пропорционально званиям.

Правда, глазами, воспалёнными от грязи, можно было рассмотреть генерала Пошкус³, майора Гоциридзе⁴, Дорошкевича, но я не смогу ответить на вопрос: «Где они?». Как не смогу ответить на вопрос: «Где же твой прославленный 3-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус?».

Я живу в глуши, оторванный от семьи и друзей, оторванный от возможности нарезать хлеб без особого напряжения, купить сигареты, чай и сырки – мой повседневный рацион, оторванный от ванны или чего-нибудь для чистоты тела. Исправившись⁵ – сохранил потребности и привык умываться желчью в крайнем случае. Смирился с грязью. О чистоте души приходится тем более беспокоиться ещё меньше. Я не краду, не пью, но для того чтобы иметь тепло и самое необходимое, я покупаю украденное и удовлетворяю потребность этих людей в пьянстве.

От грязи порой зудит тело, а более того зудит душа.

Но такова жизнь.

Конечно, берёт досада от такого образа жизни. И берёт досада, что за такой образ жизни заплачено очень, слишком, чересчур дорого.

Я не собираюсь ворошить пласты истории. От этой курвы никогда не добьёшься правды. Не буду оперировать статистикой государственного масштаба, она врёт не хуже истории. Буду писать только о том, что заплатила за этот образ жизни моя семья, а главным образом я сам.

Меня просят рассказать об условиях мест, в которых я провел третью часть своей продолжительной жизни. Кажется, здесь следовало бы

Выпить русского настоя,
помянуть такую мать
и начать перед толпою
рожи мерзкие писать.

(парафраз из Николая Некрасова)

Но это значит, что я должен отразить в сферических зеркалах⁶ моего друга Х., человека аналитического ума и дедуктивного мышления, кандидата в президенты Литвы, а также лечившей меня Шимканис⁷, и многих других.

³ Александр Адамович Пошкус (1901—1962), вечерами вызывал старшину Кротова для внеуставных разговоров о будущем. Отец называл его «умным генералом».

⁴ Георгий Георгиевич Гоциридзе (1910—1977), получил звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра в районе города Канева 23.9.1943. Дружил с отцом, советовал ему написать в правительство о своих взглядах на социальную педагогику.

⁵ Имеется в виду пребывание в исправительно-трудовой колонии (ИТК).

⁶ Намёк на распространённый тогда аттракцион «комната смеха» с зеркалами разных форм.

⁷ Майор медицинской службы, начальница больницы в одной из ИТК, где находился отец.

Меня могут спросить о моём исправлении под эгидой (ферулой) Александра Александровича, Владимира Георгиевича, Булата Базарбаевича по методу Юрия Владимировича от которого идут всякие Марии Алексеевны, Келгатины, Пикулины, Вельмакины до Панкина⁸ включительно.

Да исправился.

Я уже не грызу папки и метёлки, как Бим, а стараюсь избежать ударов, усердных не по разуму и чести дрессировщиков.

Если меня и мучают воспоминания, то не с целью охаять служителей... Нет, не закона, а инструкций, разница между которыми такая же, что между Священным Писанием и Полицейским уставом. Они побуждают меня задуматься: как всё это исправить, не прибегая к чужой, а потому враждебной нам силе, не прибегая к физическому уничтожению кого бы то ни было. Чтобы лишать не свободы, а власти, тем самым делать бессильными политических нахлебников, при этом сохраняя им жизнь.

Меня просят рассказать о педагогике, которая всю жизнь была для меня путеводной звездой и почти *idea fix*. Кажись, тут бы и удовлетворить свою профессиональную гордость, набрав обрывки интересных удач. А уж о родительской гордости можно бы поговорить и показать: во какие у нас ребята выросли и бах, эдак, козырями: дескать они и при Академии Наук СССР, и при НИИЭСМ и в лауреатах всесоюзного конкурса, и в театре «Огонёк» участвовали. Их и в центральных газетах, и по телевизору людям показывали. Но если, откинув хвастливость, анализировать итоги, то и профессиональная деятельность, и даже судьба своих детей подошли к зияющим вершинам и упёрлись в них.

Возьмись за рассказывание о педагогике, как раз собьёшься с пути истинного и вспомнишь эвристический метод, рассказывая об очевидности наглядной педагогики (не путай с наглядными пособиями). Начнёшь говорить о социальной педагогике в комплексе с архитектурой, экономикой, социальным устройством, а тут уж до 70-й статьи УК⁹ рукой подать. На этом пути может и машина сбить, можно погореть в прямом и переносном смысле.

А потому – никаких мемуаров, анализов и критики. Писать только то, что было в нашей семье, что я видел и, главное, чувствовал на собственной шкуре, но не шкурнически, а глубже.

Да поможет мне бог... (слова из присяги).

⁸ Перечислены имена различных сотрудников исправительно-трудовых колоний и Комитета государственной безопасности.

⁹ Речь о статье 70 Уголовного кодекса СССР: «Антисоветская агитация и пропаганда». (Прим. ВК)

О том, что не видел, не помню, не чувствовал

Время своего рождения, как ни напрягаю свою память, припомнить не могу, но в самом факте сомневаться не приходится. Не понимаю, почему этот вопрос интересует следователей. Родился ли в селе Вознесенске или в Воскресенске – какая разница – берите готовенького.

Возможно, подозрительным покажется сам факт моего рождения, который по рассказам матери – виновницы этого факта – произошёл в тот год и в то время, когда появилась комета Галлея¹⁰ и все здравомыслящие люди не сомневались в конце света, а я вот наперекор стихиям взял и начал жить.

Везде требуют подтверждение документом. Он, конечно, был, но метрика исчезла, а книга записей сгорела вместе с церковью в гражданскую войну. В таких случаях всё неподтверждённое считается недействительным. Но почему-то мою личность упорно не признавали недействительной. Получается, что имея отца и мать, состоящих в законном браке, имея крёстного отца, я всё же не вполне законно рождённая личность. Или, вернее, незаконно существующая личность.

Итак, Родина должна начинаться с места рождения, которым (по неподлинным документам) считается село Воскресенское (или Вознесенское) Кокчетавского уезда, Акмолинской области, где я и прожил первый год своей жизни.

Но сам я считаю своим родным городом Усть-Каменогорск Семипалатинской губернии, который потом стал областным городом Восточного Казахстана. Насколько ли он при этом улучшился, не знаю.

Для меня это было прекрасное место во всех отношениях – природа, климат, люди, хотя все это было полно контрастов: зимой морозы были ниже 40°, а за лето обильно вызревали арбузы, дыни, кукуруза. Высокие горы и непроходимая правоиртышная тайга резко сменялась ровной стеной по левой стороне Иртыша.

С людьми ещё контрастней. По соседству с нами жил старатель Данилин, фарт которого вылетал в трубу, а вокруг на рудниках скотопромышленника Меньшинова дымили двигатели, из труб которых вылетали только дым и сажа. Меньшинов швырял деньги на гомерическое пьянство, спаивая гостей, прислугу, жителей, извозчиков, а загаженное по пьянке бельё отсылал для стирки в Париж, показывая размах широкой русской души. О Меньшинове по Алтаю ходили легенды...

Среди сплошь неграмотного населения было много людей с университетским образованием. Недалеко от собора, кресты которого попирали мусульманский полумесяц, высилась мечеть с полумесяцем без креста. Перезвон колоколов совпадал с призывами муэдзина.

Татарские ребятишки переводили звон колоколов на разговорный язык:

Кельдвим, кетте, кельдвим, кеттва.
Пришёл, ушёл.
бырь твин апча бермейдв.
Один копейка деньги не дал.
Донгуз! Донгуз! Донгуз! Донгуз.
Свинья!

Призыв муэдзина русские ребятишки переводили так:

¹⁰ Наблюдалась в 1910 году.

Алла ил Алла
джумуркад кила.
На яичках грыжа.
Саламат Аллах.
Свиным салом пропах.

Однако национальные и религиозные различия поводом для драк не были, и ребятишки играли в чиге-биле, пока на ребячьи отношения не повлияли новые понятия: «мировой пролетариат» и «единая неделимая»... Но это было потом. А пока играть можно было со всеми, если ровесники не были девочками или слишком благородными, которых оберегали гувернантки или дядьки. А вот без этой охраны можно было позадираться с ними. Со всем этим детство легко мирилось.

У взрослых было сложнее.

В географическом справочнике тех лет писали:

«Город Усть-Каменогорск расположен в месте слияния реки Ульбы с рекой Иртышом, что служило естественной защитой от внезапных набегов татаро-монголо-киргизских племен. С востока и юга город защищён труднопроходимыми горами и таёжными зарослями. Казачье поселение было основано ещё во времена Алексея Тишайшего, который вёл торговлю с Китаем и Маньчурией. При Петре I город был укреплен крепостью».

Справочник так классифицировал население: казачество – аборигены; киргизы – иногородцы; великороссы, малороссы и всякая мордва – переселенцы. Была в городе немногочисленная группа людей – политические ссыльные в места отдалённые (в юрисдикции Российской империи были и «места столь отдаленные» и «не столь отдаленные»). Справочник отмечал, что эта группа людей была проводниками прогресса и культуртрегерства. Справочник отмечал неисчерпаемые богатства уезда, которых не могли освоить не только старатели, но и концессии Риддера, и акционерное общество Лена-Гольдсфилд, или золотопромышленник типа Меньшинова. Богатства огромного, чисто расейского размаха. Добытое промысловиками не могли переработать не только многочисленные кустарные кожевенные, мыловаренные, маслобойные и прочие заводи, но даже крупные паровые мельницы Бабкина и Мусина, маслобойный и спиртовой заводы Сидорова. Большая часть сырья вывозилась в Китай, в Семипалатинск, для чего по Иртышу ходили пароходы, а зимой шли огромные обозы. Русско-Азиатский банк был вне конкуренции по финансовой устойчивости.

Справочник отмечал, что, несмотря на близость и обилие булыжника, а также каменного щебня, дороги неудобные, а в городе не было мостовых и только на двух улицах были тротуары из диких плит гранита.

Надёжный способ пробудить память

Начну писать о том, что помню сам.

Помнить события окружающей меня жизни я начал с трёх лет, с того момента, когда мне на голову свалился баул с гвоздями, весом в полпуда. Событие чрезвычайное, и в семье оно произвело большее волнение, чем события в Лиссабоне и Мексике. Настя перепугалась, что ей влетит от матери, потому что не уберегла братца, оставленного на её попечение, за которого она отвечала если не головой, то другой частью тела. Мама перепугалась ещё больше: что может умереть мужская душа – продолжение рода. Отец немедленно съездил на извозчике за врачом, и все ждали, затаив дыхание, какой приговор будет вынесен мне научно-медицинской инстанцией. Врач Сироткин, увидев мой глаз и не заметив в нём страдания, подмигнул мне и не спеша вымыл руки. Затем потребовал тёплой воды, не спеша отмыл запекшуюся кровь и снова умыл руки, без всяких признаков волнения, что мама могла понять так: «Безнадёжен, и я умываю руки». На её тревожный вопрос матери он попросил пригласить его на мою свадьбу если до этого я сам или кто другой не проломит мне голову более основательно. «А лекарство?». «Смажьте гусиным салом снаружи и гусятиной изнутри».

Шутки-шутками, а гусиное стегивешно досталось мне, и жизнь оказалась прекрасной. Настя отдавала мне всё заветное – фантики, переводные и вырезные картинки. Мама готовила мне самое любимое блюдо – хлеб, поджаренный с яйцом. Отец завалил меня книжками с олеографиями издания Сытина.

Но пришлось встать с одра скорбящего, потому что лето в разгаре, а базар, что против нашей квартиры, был завален горами арбузов и дынь, уставлен вёдрами чёрной и красной смородины, корзинами клубники и малины, и лотками с ворохами ревеня, слизины, кислицы, морковки. Имея пятак или семишник¹¹, чего только нельзя было купить! А если не было и копейки, то посмотреть на всё это тоже стоило.

Однако и базар – не граница жизни, а больше выставка того, что есть лучшего в жизни. Если хорошая погода, можно сходить на Верхнюю пристань, где выгружают ящики и тюки, где пахнет яблоками и парфюмерией. Можно пройти на Нижнюю пристань где пахнет мылом, кожами, дёгтем, дубовой корой, овчинами. Не нравится – рядом крепостной плац, на котором маршируют солдаты. Насмотревшись, хочется самому ходить вот так – неудобно, но красиво (балета видеть не приходилось), поворачиваться, целиться лёжа, с колена, стоя.

Можно было бродить где угодно, и везде можно было видеть красивое или необычное. Я был избавлен от работы, потому что был мал и мужчина. Корова – на попечении мамы, работа по дому – обязанность Насти. Не было и угнетения родительским деспотизмом – гуляй, только не мешай людям и соблюдай несложный кодекс приличия.

Ходя по улицам, можно было заглянуть в подвальные окна и увидеть работу сапожников, шорников, скорняков, булочников. На дворе работают бондари, лодочники, каретники. В высоких окнах – чудесные цветы, за гардинами можно представить красивую жизнь, потому что слышались звуки музыки или пения. Иногда около приподнятой гардины можно было увидеть читающую живую барышню, похожую на картинки в журнале «Нива» и уж никак не похожую на замухрышку Настю.

Так воспринималось представление о жизни.

А вот представление о социологии.

¹¹ Две копейки.

Социальное положение людей воспринималось визуально: по одежде, упитанности, изнеженности лица и рук, даже по походке.

Крестьяне – мужики и бабы. Лапоть самая неказистая – жилет, а то и посконь.

Солдат – серая масса, лиц не запомнить. Конечно – герои, христолюбивое воинство, но нижние чины, которых не пустят туда, где благородные люди. Зависти не вызывают. Иное дело – казак: фуражка набок, чуб, лампасы, а если на коне, то как не позавидуешь.

Офицер – это «душка». Походка и манеры чего стоят – словом, «благородие».

Купец – их степенство. Об этом свидетельствует и облик, и одежда.

Священник, чиновники, мастеровые – все на своем месте, привычно, обыденно, понятно. Были и нищие, но их знали по имени: Тимушка, Сёмушка, Ипатьевна. Им охотно давали милостыню и ночлег. Это были, главным образом, Христа ради юродивые.

Это при хорошей погоде.

Плохая погода не портила жизнь.

Баул с гвоздями крепко вбил мне в голову, что мой отец – не мужик, а мещанин: ремесленник, столяр-краснодеревщик. В социальном отношении это кое-что значило. Правда, прожить столярным ремеслом было трудно, потому осенью отец работал стекольщиком, а зимой – переплётчиком. Знаю твёрдо, что отец не любил в работе, чтобы поскорей зашибить деньги, а добивался тщательной отделки. Если заказчик торопил его, он недовольно ворчал:

– Пока работа не сделана, я ей хозяин и господин. Мне ведь к вашему рублику большую благодарность заработать надо.

И правда, у него были постоянные заказчики, требовательные к красоте шкафов и к переплётам книг. А людей книжных в городе было много. За работой он любил иногда петь:

Измученный, истерзанный
наш брат мастеровой
Идёт, как тень заgrabная,
С работы трудовой...

Правда, на измученно-истерзанного он не был похож. В субботу после бани зимой были пельмени, а в воскресенье шаньги и пироги с немудрёной начинкой: капуста, лук, пшено, сердце, брюшина.

Хороши были дни, когда в передней комнате (она же – кухня) начинались столярные работы. Отец любил во время работы петь то священные псалмы и молитвы, то романсы, а то вятские песни:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.